

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

Большое зло и мелкие пакости

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт
«Клементина» © Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Большое зло и мелкие пакости : [роман] /
Татьяна Устинова. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Пер-
вая среди лучших).

ISBN 978-5-04-182789-2

Министр по делам печати и информации Потапов решил поехать на вечер бывших выпускников неожиданно для себя. Просто рано освободился. Он пожалел о своем идиотском порыве сразу, как только в школе поднялся переполох вокруг его особы. После вечера он вышел на школьный двор следом за Марусей Сурковой, у которой когда-то списывал. И тут раздался хлопок, и Маня упала. Потапов подхватил ее из лужи крови и, не слыша криков охранника, повез в Склифосовского. Он был уверен — пуля предназначалась ему. Странно, но кто мог знать, что он поедет в школу? Вот и следователь считает: покушались именно на Марусю. Только кому она нужна?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-04-182789-2

«Самый верный способ получить
ответ — это задать вопрос».

Ирландская поговорка

Толпа, высыпавшая на школьный двор и разом заполнившая его, была довольно многочисленной. Бывшие выпускники еще что-то договаривали друг другу, курили и хохотали. Жидкий свет уличных фонарей разгонял темноту только с середины асфальтового пятна, на котором толпился народ, а за чахлыми кустиками живой изгороди, которую с маниакальным упорством пыталась вырастить бессменная «ботаничка», колыхалась плотная мартовская темень. Школа сверху донизу сияла непривычными для этого часа огнями, но они не разгоняли, а уплотняли окружающую тьму.

Можно работать. Никто ничего не заметит.

Пистолет лежал в ладони легко и удобно. Кожа чувствовала привычные шероховатости металла, и это было как бы знаком того, что работа будет сделана хорошо.

Еще секунд сорок. Пусть с крыльца спустятся все, кто там застрял. Чем больше народу, тем лучше, удобнее.

У ворот много машин. Это тоже неплохо. Декорации должны быть как можно более значительными, тогда они отвлекают на себя внимание, и само действие уже мало кого интересует.

Водитель «Мерседеса», который был припаркован ближе всех, запустил двигатель, очевидно, заметив хозяина.

Значит, осталось совсем немного.

Раз. Два. Три...

— Ну что? Ты уезжаешь или остаешься?

— Как остаешься? А что, кто-нибудь остается?
— Ну конечно! Только что договаривались в бар пойти, посидеть еще немного. Время-то...
— Ребята, ну что мы решили?
— Дин, ты с нами или уезжаешь?
— Я даже не знаю, я домой собиралась...
— Вовка, а ты?
— А Димка Лазаренко где?.. Он тоже вроде соби-
рался!

...шесть, семь, восемь...

До десяти.

Помешал резкий неучтенный в плане операции звук.

За спиной затормозила машина, хлопнула дверь, и пришлось оглянуться, чтобы посмотреть, что происходит.

Широкозадая и кургузая «Тойота» остановилась прямо посреди проезжей части. Пассажирская дверь распахнулась, из нее деловито выбирался мальчишка. Кто-то руководил им с водительской стороны, из-за машины не было видно, кто именно.

— Федор, не беги через дорогу! Сначала посмотри! Не спеши, ты слышишь меня или нет?!

— Да я ее уже вижу!

— Где?

— Вон она! Мама! Ма-ам!

— Федор, я здесь!

Так. Этого не должно быть. Никаких детей тут быть не должно. Сейчас он побежит, и вся работа сорвется, а второго такого случая может не представиться.

Сейчас.

Пистолет как будто потяжелел в руке. И стал очень горячим.

— Так что, ребята? Кто куда идет?

— Да мы вот собираемся...

— Дмитрий Юрьевич, спасибо вам большое за то, что вы нашли время...

Выстрел был почти неслышен — резкий хлопок, и только. Расчет был правильный. Никто ничего не

понял. И все-таки в последний момент помешал этот чертов мальчишка. Рука дрогнула, не подчиняясь.

— Ма-ам!

Толпа внезапно как-то странно шарахнулась, подалась куда-то, и в ее сердцевине начал закручиваться вопль. И в этот вопль, как в центр смерча, стало затягивать все — смех, говор, урчание двигателей, припадочные моргания фонаря на столбе... И от «Мерседеса» уже кто-то бежал, на ходу доставая пистолет, и вопль перерос в визг, и люди бросились врассыпную, как при бомбежке.

Только одна скрюченная фигура осталась на освещенном асфальтовом пятачке.

Вокруг нее растекалась черная лужа, и ей некуда и незачем было бежать.

Коридор все сужался, и стены наваливались, мешая дышать. Пыльная и сухая труба, по которой скользила рука, становилась все горячее, и страшно было, что в темноте рука может наткнуться на что-то еще, кроме этой трубы, но невозможно было убрать руку, оторваться от горячей металлической твердости. Тогда не осталось бы ничего, что пока еще сдерживало панику, скрученную в тугую и колкую спираль где-то ниже горла. Если дать ей развернуться, она выхлестнет наружу, ударит, проткнет насквозь, и тогда — все.

Конец.

Нужно дойти. Осталось совсем немного.

Нет. Это вранье. Никто не знает, много ли еще осталось, но выхода нет, все равно нужно дойти.

А если уже некуда идти? А если стены надвинутся так, что придется ползти, задевая черепом за каменный потолок, а потом уже будет не выбраться? И кончится воздух, и жаркая темнота вползет в голову, в легкие и пожрет то прохладное и свободное, что там еще осталось?! А осталось там совсем немного.

Возвращаться нельзя. И нельзя посмотреть назад.

Пот тек по лбу, скатывался за воротник и противно высыхал за ухом.

Нет. Не дойти. Стены все ближе, воздуха все меньше, труба все горячее, волосы скользят по близкому душному потолку.

Сейчас ударит развернувшаяся спираль паники, и тогда — все.

Зачем, зачем?! Как все бессмысленно, и как все глупо!

Плечи одновременно коснулись стен, трясущаяся рука внезапно нащупала что-то странное, явно не металлическое, высохшее, но бывшее когда-то живым, как скальп индейца, и паника наконец ударила.

Крик сгустился из черной духоты, а вовсе не был порождением измученных горящих легких. Крик толкнулся в уши, проткнул их насквозь, ворвался в мозг и затопил его до краев.

Какое-то время крик существовал как будто сам по себе, снаружи, а потом он оборвался.

И тогда стало еще страшнее.

За три часа до происшествия

— И чего тебя туда несет? — Алина качала ногой, облитой черной тканью колготок. Нога была хороша. Колготки — «Омса, серия велюр» — тоже ничего. Офисная юбка — все как полагается, английский кашемир до середины колена — на этот раз была легкомысленно задрана и открывала ровную, розовую даже под чернилами колготок гладкость Алининого бедра. Время от времени, стряхивая пепел с невиданной тонкости пахитоски, Алина с удовольствием поглядывала на собственную качающуюся ногу.

— Ну что ты там будешь делать? Встреча одноклассников! За каким чертом они тебе сдались, эти одноклассники! Чего ты там не видала?!

Маруся укладывала волосы феном перед раздвижным трехстворчатым зеркалом и от нетерпения мотала головой, отцепляя от волос постоянно путавшуюся в них щетку. Из одежды на ней были только трусы,

а все остальное еще предстояло найти, натянуть, оценить, одобрить или отвергнуть.

Нелегкая задача. Особенно когда «до бала» осталось двадцать минут. Впрочем, все как всегда.

— Лучше дай мне лак, — Маруся накрутила на щетку очередную прядь и решила, что ее хорошо бы обильно полить лаком. По задумке прядь должна была изящно спадать, или, как это называла Алина, «струиться», со лба на висок, и потому ей отводилась особая роль и, соответственно, требовалась *особая* форма.

Пошарив рукой и что-то с грохотом свалив с углового столика, Алина сунула в ладонь подруге холодный длинный баллон.

— На. Подавись своим лаком. Я бы ни за что не пошла.

— Ты и не идешь, — сообщила Маруся резонно.

— А ты зачем идешь?

Маруся зажала баллон между колен и проворно схватила с подставки фен.

Алина пилила ее всю неделю. Как только узнала, что она собирается на «встречу друзей», так принялась ее пилить усердно и методично, день за днем. Маруся вздыхала и отмалчивалась, по опыту зная, что такая тактика единственно верная. Если начать Алине возражать — хлопот не оберешься. И главное, все равно все останутся при своем мнении.

— Алин, я сто лет нигде не была, а тут вполне законный повод. Встреча выпускников.

— Ну да, — согласилась та и с силой смяла в пельнице остатки своей невиданной пахитоски, — повод. Не я ль тебя, душеньку, приглашала на прошлой неделе на презентацию этих... как они... ну, которые мебель продают... как же... Впрочем, хрен с ними. У них все как у людей было, в «Мариотте», с хорошей едой, с певцами и певицами, с увеселениями, с развозом! Что ж ты не пошла?

— Алин, ну в какой еще «Мариотт» я пойду людей смешить! У меня один выходной костюм. Я его в девяносто шестом году купила на рынке в ЦСКА.

— Мы его вместе купили, — буркнула Алина и, со-

скочив со стола, подошла и взяла у Маруси фен, — стой, не вертись, я тебе чуть-чуть поправлю...

— Ма-ам! — прогудел из соседней комнаты Федор. — Мам, ты не знаешь, где мой английский?

— В кухне на подоконнике, — тут же отрапортовала Маруся. — Если ты будешь по всему дому разбрасывать свои вещи, я...

— Знаю, знаю, — сообщил Федор уже из коридора, — ты все соберешь и выбросишь в мусорное ведро. Только я все равно и из ведра достану.

— А ты что, математику уже сделал?

— Да-а...

— Что-то я сомневаюсь. Алин...

— Ну конечно, — перебила подруга, накручивая на щетку следующую прядь, — первый раз, что ли!.. Математику проверим, английский согласуем, новые слова выпишем, старые повторим и только после этого станем в дурака играть!

— А может, сначала в дурака, а потом английский согласуем? — спросил Федор лукаво и сунул в дверь круглую башку.

Федору на днях стукнуло девять. Он был очень самостоятельным, несколько рассеянным мальчиком, обладал превосходным чувством юмора и учился на одни пятерки. Во-первых, потому, что это было легко, а во-вторых, потому, что ему нравилось доставлять удовольствие матери.

— Брысь! — шикнула на Федора Алина. — Не нервуй родительницу, а то она сейчас вообще никуда не пойдет, останется с нами английский учить.

— Нет уж, пусть идет! — перепугался Федор за дверь, и они засмеялись.

Алина выключила фен и стала осторожно и продуманно распределять по Марусиной голове только что сформированные пряди. Услышав, что в соседней комнате Федор, повздыхав, придвинул стул к столу, она попросила жалобно:

— Мань, я тебя умоляю, ты хоть с *ним* не разговаривай, что ли!.. Хотя, может, *его* вовсе и не будет.

Жалобный тон совершенно не шел ей, как будто